

УДК 316.42

*О.А. Борисова***ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ГОРОЖАН
«ПРАВА НА ГОРОД»**

Рассматриваются вопросы, связанные с особенностями социологического изучения городского пространства, способы его освоения и присвоения, а также трансформация публичного пространства города. В частности, уточняются основания пространственной парадигмы социологии, структурирования понятия «пространство», выделяются два направления в понимании публичного пространства. Анализируются различные типы, характеристики и задачи городского пространства, а также особенности его осмысления и организации в советский период. На теоретическом и эмпирическом материале рассматривается функциональность центральной площади как обязательного атрибута городского пространства. Формирование и трансформация городского пространства – процесс непрерывный и сложный, который вместе с физическим изменением предполагает изменение соответствующих моделей поведения, а также способа восприятия городского пространства. Исследование основывается на использовании нескольких теоретических ресурсов. Город рассматривается как социальная система, одновременно и как физическое и социальное пространство. Социальное пространство рассматривается с позиций концепции П. Бурдьё как стремящееся реализоваться в физическом. Публичное пространство рассматривается с точки зрения концепции Л. Лофланд через призму понятия «социабельность» (как способность к осуществлению социального взаимодействия). Обязательным атрибутом городского пространства является центральная площадь города. В статье представлены результаты двух исследований по изучению восприятия Центральной площади города Ижевска. Была проведена серия фокус-групп в трех возрастных сегментах (18–30 лет, 31–50 лет, 51–65 лет) с целью оценки вариантов реконструкции Центральной площади. Также для анализа использовались материалы контент-анализа, проведенного в феврале 2018 года: оценка жителями города Ижевска ледяного городка «Сказбург», построенного на Центральной площади города. И тот и другой варианты (реконструкция Центральной площади и строительство коммерческого ледяного городка Сказбург) разворачиваются в публичном пространстве города. С одной стороны, фиксируется потребность горожан в «оживлении» и освоении этой территории, с другой стороны, на лицо кризис публичности – некомфортное пребывание горожан в публичном пространстве Центральной площади.

Ключевые слова: город, городское пространство, публичное пространство, трансформация публичного пространства, реализация «права на город».

Введение

Формирование и трансформация городского пространства – процесс непрерывный. Трансформация городского публичного пространства – это сложный процесс, который вместе с физическим изменением предполагает изменение соответствующих моделей поведения, а также способа восприятия городского пространства.

Публичное пространство города

С конца XX века отмечается рост интереса исследователей разного профиля в отношении анализа концепта «пространство». В основу пространственной парадигмы городской социологии легли идеи А. Лефевра, П. Бурдьё, Э. Соджи, Д. Харви. «Непосредственное пространство индивидуальной жизнедеятельности конструируется социумом в процессе экономического и культурного функционирования. С учетом марксистских корней данного направления за основу любого города берется его физическая пространственная организация («способ производства» города), которая, в свою очередь, создает особый тип социальных практик, по-своему утилизирующих и преобразующих физическое «тело» города. При этом изменения в «способе производства» (преобразование городской территории) способны сформировать новые социальные практики (привести к появлению новых форм городской жизни). И наоборот, новые социальные практики способны преобразовать старую городскую территорию: «когда новые социальные практики формируют новое социальное пространство, на обломках старого города возникает новый» [1].

А. Лефевр называет данный бесконечный процесс «написанием пространственного кода» и утверждает, что это «не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» [2]. Он вводит понятие «право на город», как

процесс постоянного присвоения городского пространства (не-владения), право на публичную городскую жизнь. Таким образом, реализация «права на город» отражается в том, как представлены в городской среде различные социальные группы, насколько они «видимы» и «не видимы» в пространстве города.

А. Лефевр для прояснения понятия «пространство» выделил три уровня. На первом уровне пространственная практика представлена как область воспринимаемого пространства – физическое пространство. На втором рассматриваются презентации пространства как область понимаемого – ментальное пространство. На третьем уровне выделены презентационные пространства как область проживаемого – социальное пространство.

Э. Соджа делает акцент на пространственной сегрегации города вследствие развития капитализма и соответственного формирования дисбаланса между экономически развитыми и неразвитыми районами. В этом случае «право на город» выражается посредством массовых протестов и беспорядков.

Д. Харви отказывается от категории «пространство» в пользу категории «место». При этом любое «место» становится результатом воздействия определенных социальных и экономических механизмов. Здесь «право на город» оказывается опосредовано «пространственной организацией политической власти», т. е. тем, как именно репрезентирована политическая власть в городском пространстве [1].

Аналитически можно выделить два направления понимания публичного пространства. С одной стороны, в концепциях Ю. Хабермаса, Х. Арендта, А. Лефевра «публичность понимается как пространство встреч свободных граждан и выработки ими – на основе свободной и определенным образом организованной коммуникации – точки/точек зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся их частных интересов» [4]. В этом случае происходит перенесение в политический контекст борьбы за «право на город» (выработка определенных политических решений, решение общественно значимых вопросов).

Х. Арендт понимает публичное пространство как «арену действий людей, совершаемых ими перед лицом друг друга». Это – физическое место, где совершаются коммуникации по важным для сообщества вопросам. Здесь важным становится то, что индивиды оказываются способны правильно интерпретировать действия друг друга. Также и в концепции Ю. Хабермаса публичная сфера представлена посредством коммуникации, обмена мнениями и информацией.

С другой стороны, можно также выделить и представителей второго направления, таких как Р. Сеннет, Д. Джекобс, Л. Лофланд, Р. Ольденбург, рассматривающих публичность как «социабельность (sociability) – способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни» [1]. Это пространства, в которых происходят «множественные незапланированные взаимодействия», «незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга» [6]; пространства, выступающие в роли «универсального социального смесителя» [7] или же сцены для «представления себя другим в повседневной жизни» [8]. Это могут быть как «промежуточные пространства», например улицы и тротуары, так и разнообразные «третьи места» (кофейни, клубы по интересам).

Л. Лофланд понимает публичное пространство как доступное для людей, приспособленное для пребывания, для «коммуникации незнакомцев», «анонимных встреч горожан, социализации жителей». Она подразделяет городские «места» на публичные, частные/приватные и «парохиальные»/«местечковые». Каждому «месту» свойствен определенный тип социальных практик: «личные социальные отношения, публичные социальные отношения (взаимодействия незнакомцев, характерные для публичной сферы), а также промежуточный местно-локальный тип социальных отношений (соседские сообщества)» [1].

Публичные пространства характеризуются гетерогенностью, это пространство незнакомцев, например центральная площадь города. Частные пространства гомогенны: близкие семейные отношения, личные связи. Парохиальные пространства позиционируются как промежуточные между публичными и частными. Они характеризуются «чувством общности, которое разделяют знакомые между собой люди, включенные в межличностные сети, локализованные на определенной территории» [10].

Парохиальные отношения структурируются на два вида: «человек–человек» и «человек–место». «Принадлежность места к публичному типу пространства, в отличие от парохиального, определяется наличием социального разнообразия и низкой степенью вероятности случайной встречи знакомых людей» [10]. Строгих границ между этими пространствами нет. Одно вполне может переходить в другое при определенных ситуациях. Например, в публичном пространстве «пузыри частности» вполне могут быть определены свадьбой или проведением дня рождения ребенка в детской комнате.

Основная задача городского публичного пространства – обеспечить неформальное, неструктурированное и «необязательное» общение горожан («ключевая точка неформальной публичной жизни»), делая «возможной коммуникацию между разнородными индивидами и группами» [1].

Характеризуя публичное пространство, Л. Лофланд выделяет такие значимые позиции, как удобство (приятный имидж), разнообразие использования пространства и знаний, социальность, удовольствие от взаимодействия, публичное одиночество и наблюдение за людьми, «карнавальность».

С течением времени, с ростом городов, с изменением структуры и численности городского населения меняется как отношение к городу в целом, так и социальный запрос на трансформацию публичного пространства города.

Так, в советский период организация публичного городского пространства подчинялась рациональным принципам экономического планирования. «Старые города, чей облик сформировался задолго до XX века, являлись в некотором роде исключением, но их растущие новые районы, а особенно же города, основанные за период советской власти, являют собой яркие примеры имплементации принципов рационального планирования» [13]. Таким образом, советские города были похожи друг на друга благодаря унификации городского пространства, соответственно, сформировалась обобщенная модель советского города.

Основные черты советского города: «пространственное равенство в распределении единиц общественного потребления; максимально возможное сокращение времени, необходимого для преодоления расстояния «дом–работа»; жесткое зонирование использования территорий; рационализация движения транспортных потоков» [13]. Единственно возможной в данном случае была дифференциация на основе производственного статуса. Вся территория города считалась публичной, поэтому городское и публичное пространства отождествлялись. Для обозначения центральной части города использовался термин «общественное пространство», с апелляцией к понятию «коллективизм».

Все общественные пространства того времени можно было разделить на три большие группы, представленные системой общественных центров, системой магистралей и системой озеленения. Центр города наделялся значимыми идеологическими и политическими смыслами, воплощал коммунистические ценности и идеи. Архитектурные решения общественных центров советских городов были ориентированы «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [15], что воплощалось и в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), и в дизайне (большое количество политических символов) городских площадей, парков и проспектов. Основная функция центральной площади советского города состояла в демонстрации силы и величия посредством проведения демонстраций, парадов и митингов. Перечисленный функционал определял внешний вид общественного центра. Например, обязательным было наличие прямых, протяженных проспектов, организуемых «прямой путь движения демонстрантов» [15]. Также городское пространство предусматривало и возможности активного отдыха трудящихся как обязательного элемента социалистического образа жизни. Однако «право на город» в контексте советской идеологии никак не реализовывалось.

Центральная площадь как обязательный атрибут городского пространства

Обязательный атрибут любого города – центральная площадь. Центральные площади советских городов описываются как «хорошо подходящие для военных парадов и различных демонстраций, однако отчужденные и безжизненные с точки зрения межличностного взаимодействия» [1]. Идеальное городское пространство в контексте советского времени характеризовалось монументальной архитектурой центральной части города, подчеркивавшей идеологию могущества советской власти. Все это в значительной степени определяло символическое наполнение советского общественного пространства, в котором «широкие народные массы превращались в крайне дисциплинированных граждан» [1]. Само существование публичных пространств в советских городах интерпретируется в терминах тотального контроля: «обширный политический контроль и надзор превратили «пространство–для–всех» в «пространство–ни–для–кого».

Таким образом, советское публичное пространство утрачивает свою основную функцию – функцию обеспечения свободного взаимодействия горожан, которая в сложившихся условиях переносится в частную сферу. «Неконтролируемые собрания людей в центральных открытых пространствах были нежелательны, и повседневные взаимодействия городских жителей были загнаны в частную сферу или в пустые ничейные места: кухни, гаражи, задние дворы и пустыри, формируя именно в этих зонах жизнь, альтернативную той, что была навязана государством» [19].

Произошедшие после распада Советского Союза изменения социальной, политической и экономической сфер вызвали естественные трансформации городского пространства.

Изменение идеологии обесценивает политическое значение публичного пространства. Изменения в сфере экономики, такие как выделение экономической инфраструктуры, дифференциация стоимости жилья, деловых и торговых центров, приводят к коммерциализации городского публичного пространства. Произошли «социальные сдвиги, включающие в себя процесс социоэкономической поляризации общества, маргинализации его отдельных элементов, а также значительных изменений в системе ценностных ориентаций горожан. Харви называет такую трансформацию «пространственным кризисом», когда ландшафт, приспособленный к определенной фазе развития, становится барьером для последующей трансформации города. В этом случае «старые места должны быть обесценены, разрушены и перестроены, в то время как новые места – созданы заново» [20].

Все эти изменения происходили на фоне западного «кризиса публичности», характеризуемого ростом приватизации и коммодификации публичного пространства, антиурбанизмом, нарастанием боязни Других и виртуализации повседневной жизни.

Публичное пространство становится «пустым» и некомфортным для горожан. В этом контексте З. Бауман говорит о «псевдопубличных пространствах» как о неприветливых и безлюдных «высокомерных» пространствах, в которых некомфортно находиться (например, пустынные центральные площади или переполненные автомобилями городские улицы), где «все в пределах видимости вселяет страх и не вызывает желание задерживаться» [21].

Согласно Л. Лофланд, посредством сегрегации современные архитектурные ансамбли городов осуществляют контроль публичной сферы: «управляемости, гомогенности и предсказуемости», тем самым переводя ее в формат «не-публичности». «Горожане «используют городское пространство лишь для того, чтобы как можно скорее добраться до места работы, учебы или домой» [22].

Таким образом, публичное пространство из «сцены для социального взаимодействия» превращается в «гигантский экран, на который проецируются частные заботы, место, где публично разглашаются частные тайны и интимная жизнь» [21]. Е.В. Лебедева говорит о сложившемся субъективно-потребительском отношении к публичному пространству, которое теряет социальное наполнение, перевоплощаясь из площадки для взаимодействия в место потребления определенных благ, физическую «среду обитания горожан» [20].

На основе проведенных исследований она выделяет характерные черты современного публичного пространства постсоветского города: элементы советской специфики («альтернативная публичная сфера», свободная от внешнего контроля – дворовые пространства, улицы, скверы; формируются элементы «капиталистического города»: в первую очередь досуговые «места потребления» (торговые центры, кафе); социальная значимость публичного городского пространства находится в «зачаточном состоянии и без внешней поддержки может вовсе исчезнуть» [20].

Согласно концепции А. Лефевра, формируется дисбаланс «производства» и «потребления» публичного пространства: горожанин выступает исключительно потребителем, а не производителем городской среды. Это неизбежно ведет к ряду проблем современного города, таких как изолированность, одиночество, равнодушие, снижение личной ответственности и способности к общению. Соответственно, основной задачей становится возврат публичному пространству функционального наполнения с обеспечением активности горожан и возможности их самореализации в рамках публичного пространства, а также с повышением качества событийного наполнения публичного пространства. В сложившейся ситуации актуализируется вопрос грамотного управления городским пространством. На сегодняшний день можно выделить несколько вариантов учета мнения горожан в рамках реализации градостроительной политики и благоустройства города. Практически реализуемыми формами (в части выяснения мнения горожан, осуществления населением местного самоуправления) являются конференции, публичные слушания и собрания граждан. Однако активность населения по отношению к такого рода практикам включенности в трансформационные процессы городского публичного пространства крайне мала.

Основные методы

Эффективным вариантом вовлечения горожан в процесс согласования общественных интересов является проведение социологических исследований, ориентированных на репрезентативное изучение мнения жителей и использование его в качестве важнейшего фактора, влияющего на трансформацию публичного пространства.

Наглядным примером попытки взаимодействия населения и городской власти в контексте изменения городского пространства может служить проект реконструкции Центральной площади г. Ижевска, предложенный в 2014 г. специалистами компании PRP architects LLP (Великобритания). Сама идея модернизации этого «неуютного» места очевидна. Но форма реализации, которая была предложена со стороны городских властей, не устроила городское сообщество.

Для оценки предложенного проекта реконструкции была проведена серия фокус-групп с горожанами в трех возрастных сегментах: 18–30 лет, 31–50 лет и 51–65 лет.

Концептуальная модель, предложенная для оценки, не была однозначно считана городским сообществом, скорее вызвала недоумение и вопросы. Из всех элементов, подлежащих реконструкции, горожане одобрили цветные фонтаны и подсветку (как элемент безопасности и общей символики – объединяющий контекст).

Горожане были единодушны по вопросу необходимости модернизации Центральной площади, которая, являясь воплощением идеологии советского градостроительства, устарела на сегодняшний день как морально, так и функционально. «Все элементы Центральной площади – это просто отдельные элементы города, которые никак между собой не связаны и живут отдельной жизнью» (Ж., 35 лет).

Это место сегодня не привлекательно, не уютно. Горожане по инерции посещают Центральную площадь только в праздничные дни. Она не удовлетворяет современным потребностям жителей города. Естественно, что потребности разных возрастных групп будут отличаться, но задача заключалась именно в том, чтоб услышать и гармонично вписать их в общую модель реконструкции. Так, молодежь оказалась ориентирована на современность, представители среднего возраста – на удобство и функциональность, люди старшего поколения – на разумные траты. Кроме того, представители всех возрастных групп хотели бы видеть в общей концепции модернизации единое стилистическое решение с отличительными элементами, соответствующими специфике региона.

Таким образом, проект реконструкции должен был оживить это пространство, сделать его удобным и привлекательным, а соответственно, и посещаемым горожанами. Это должна была быть площадка для реализации возможностей и инициативных проектов.

Еще одним примером неэффективного взаимодействия городского сообщества относительно выстраивания публичного пространства является строительство ледяного городка «Сказбург» на Центральной площади города Ижевска в новогодние праздники 2018 года. Этот пример непосредственного «посягательства» на публичное пространство горожане восприняли очень болезненно.

Городок построили на Центральной площади – инициатива очень хорошая. Но его огородили дощатым забором и сделали платный вход – перегородили свободное для доступа горожан публичное пространство. Забор воспринимался как граница, деление на «своих» и «чужих». Соответственно, все высказывания начинались или тем или иным образом сводились к обсуждению забора из горбыля.

«Очень хочется увидеть на нашей площади красивый ледяной городок, но не закрытый от горожан, а наоборот, уберите этот забор, пусть люди порадуются. Это ведь общественное место» [26].

«Это позор – нынешний ледовый городок в том виде, в каком он сейчас! Центральная площадь, покрытая месивом из снега и огороженная страшным забором! (стройплощадки огорожены красивей). Очень испортили праздничное настроение!» [27].

«Это безобразие! Кому пришло в голову построить это «чудо» на площади и обнести его горбылем? Ещё бы колючей проволокой огородили» [28].

Каким бы ни был забор (хоть из горбыля, хоть декоративный кованный), но в контексте отчуждения «права на город» (права на публичное пространство) он все равно бы получил общественное порицание. Характерно, что именно дискурс о заборе стал лидирующим при обсуждении рассматриваемой темы, и только во вторую очередь речь заходила о том, что вход в городок на Центральной площади платный.

Заключение

Характер функционирования городских сообществ является показателем развития самого городского сообщества. Проблема трансформации городского пространства состоит в том, что не принимается во внимание привязанность социальных процессов к культурному ландшафту города, например постановления для проведения экономических мероприятий посредством использования властного ресурса без учета специфики городского региона.

С одной стороны, в современных условиях горожане всё активнее осваивают городское пространство и стремятся к реализации «права на город». С другой – фиксируется кризис «публичности», когда пребывание в публичных местах становится некомфортным. Встает вопрос трансформации городского пространства в соответствии с запросами горожан, исходя из специфики и ресурсного обеспечения самого города. В этой ситуации актуализируется вопрос эффективного управления городским пространством при непосредственной включенности в него самих горожан.

Позиция органов власти относительно развития городского публичного пространства зафиксирована в муниципальных программах развития города. На территории города Ижевска в 2018 г. реализуется 21 муниципальная программа. Эти программы в совокупности ориентированы на развитие социальной сферы и улучшение качества жизни горожан. В разработке такого рода программ принимают участие организации научно-исследовательской, консалтинговой и проектной направленности, а также эксперты в области урбанистики, дизайна, градостроительства и экономики. Исключенными из этой системы планирования и преобразования городского пространства остаются горожане. Таким образом, очевидным оказывается выход на проблему отстраненности горожан от формирования собственной комфортной среды обитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева Е.В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов // Социология. 2016. № 4. С. 107-115.
2. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
3. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117)
4. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.
5. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовки» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 546 с.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. А.Д. Ковалева М., 2000. 304 с.
7. Квят А.Г. Гетеротопия городского пикника с точки зрения теории публичной сферы: кроссдисциплинарное кейс-стади. С. 137 // URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_4/Kviat_2014_4.pdf.
8. Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин. М., 2000. С. 13-38.
9. Матвеева Н.М. Общественные центры городов // Архитектура СССР. 1972. № 7. С. 9-13.
10. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 // Stasis. 2014. Т. 2, № 1. С. 260-295.
11. Лебедева Е.В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX, № 1 (89). С. 107-115.
12. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
13. Дридзе Т.М. Вернуть столицу горожанам // Общественные науки и современность. 1977. № 5. С. 26-34.
14. Лебедева Ю. Частокол и платный вход: за что ижевчане возненавидели ледовый городок на площади // Izhlife, 5 янв. 2018 г. URL: <http://izhlife.ru/microscope/77627-chastokol-i-platnyy-vhod-za-cto-izhevchane-voznenavideli-ledovyy-gorodok-na-ploschadi.html>.
15. Шаньгина В. Новый год–2018 в Ижевске: на Центральной площади появится городок с лабиринтом, башнями и замком // Комсомольская правда, 6 дек. 2017 г. URL: <https://www.izh.kp.ru/daily/26767.4/3798578/?top=5>.
16. Соколова А. «Сказбург» за забором. Жители Ижевска возмущены платным зимним городком // Аргументы и Факты. № 3. 17 янв. 2018 г. URL: http://www.udm.aif.ru/society/skazburg_zhiteley_izhevskaya_zaborom_zimnim_gorodkom.

Поступила в редакцию 11.09.2018

Борисова Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: boa_77@list.ru

O.A. Borisova

PUBLIC SPACE OF THE CITY AS THE REALIZATION OF THE CITIZENS' "RIGHT TO THE CITY"

The article considers the issues related to the peculiarities of sociological study of urban space, the ways of development and appropriation of urban space, as well as the transformation of the public space of the city. In particular, the foundations of the spatial paradigm of sociology and the structuring of the concept of "space" are clarified; two directions in the understanding of public space are highlighted. Different types, characteristics and tasks of urban space are analyzed, as well as specifics of its understanding and organization during the Soviet period. On the theoretical and empirical material, the functionality of the central square is considered as a mandatory attribute of the urban space. The formation and transformation of the urban space is a complex continuous process, which, together with a physical change, implies a corresponding change in patterns of behavior and ways of perception of urban space. The study draws from several theoretical sources. The city is considered as a social system, as both a physical and social space. Based on P. Bourdieu's perspective, social space is regarded as tending "to be translated into physical space". The analysis of public space draws from L. Lofland's conception of "sociability" as the ability for social interaction. The central square is a must-have of the urban space. The article presents the results of two studies of people's perception of the central square in the city of Izhevsk. The series of focus-groups have been conducted among three age groups (aged 18–30, 31–50, 51–65) with a view to estimating alternative designs of the central square reconstruction. Also, the results of the content-analysis of February, 2018 have been used, the purpose of which was to find out people's opinion of the ice town "Skazburg" built on the central square. Both events (the reconstruction of the central square and the building of a commercial ice town "Skazburg") take place within the city public space. On the one hand, the citizens' need for the "revival" and appropriation of this territory is recorded, on the other hand – the crisis of publicity is evident: the central square is not a place where people feel at ease.

Keywords: city, urban space, public space, transformation of public space, realization of the "right to the city".

Received 11.09.2018

Borisova O.A., senior lecturer at Department of sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: boa_77@list.ru